

Дальние Тропы

Автор:

Алексей Рудаков

Дальние Тропы

Алексей Анатольевич Рудаков

За пологом из молний #1

Наша Галактика. Наша Планета. Наши дни. Хранившийся в пыльных запасниках РАН артефакт, найденный строителями в 80х годах прошлого века, пробудился благодаря стараниями молодого мнс НИИ Атмосферного Электричества. Пройдя через Портал, молодой учёный обнаружил, что галактика давно заселена и, более того, поделена между сильными мира, которые отнюдь не горят желанием осчастливить Землю знаниями и технологиями. Скорее наоборот – использовать землян в своих интригах – вот цель различных сил, с которыми группе исследователей, шагнувшей за порог, придётся столкнуться. Исследование чужих миров – как обитаемых, так и обращённых в руины, встречи с различными расами и разумами, плюс много другое, включая и боевые столкновения в космосе и на поверхности различных планет – всё это в первой книге серии «За Пологом из Молний».

Алексей Рудаков

Дальние Тропы

Глава 1

История эта берет своё начало в середине 20-х годов прошлого столетия.

Молодая Советская Республика, чья экономика была серьёзно расстроена чередой войн, спешно восстанавливала свои силы, отчаянно нуждаясь во всём – кадрах, ресурсах, станках, машинах и, не менее того – в энергии. Великие стройки той героической эпохи только начинались – ДнепрогЭС, Магнитка, Кузбасс, и ничего удивительного, что в один из дней в двери Совнаркома зашёл мужчина в возрасте, нёсший в руках большой кожаный портфель.

Внешний вид вошедшего в кабинет однозначно характеризовал гостя как профессора университета, коим тот и представился, сделав всего пару шагов от порога.

– Пуглов Пётр Пантелеевич. К вашим услугам, – представился он, коротко поклонившись: Профессор Казанского университета, кафедра естественных наук. А Вы, прошу меня великодушно простить – товарищ Луначарский, верно? Вы, в новом правительстве – министром образования трудитесь?

– Анатолий Васильевич, – в свою очередь поклонился хозяин кабинета: – Только не министр, а народный комиссар по вопросам образования.

– Ну, сие одно и то же. Милостивый государь, – начал он по старорежимному, ставя на стол перед Наркомом ничем не примечательную лампу, своим видом крайне напоминавшую шахтёрскую керосинку: – Вот!

– Простите, но что – вот? – Заложив руки за спину, наклонился над светильником Анатолий Васильевич: – Прошу меня простить, но это... лампа?

– Вы совершеннейше правы, сударь! И... Алле оп! – Щелкнув небольшим рычажком у основания, учёный зажёл её: – Извольте! Светит! – Сложив руки на груди он отошёл от стола, не сводя взгляда со своего детища.

– Действительно – светит, – обойдя стол, Луначарский более внимательно осмотрел устройство и развернувшись к изобретателю недоумённо развёл руками: – Лампа. Светит. Электричеством. И что? Вот если бы она пирожки пекла, – невольно вырвалось у него, существовавшего в эти голодные годы на весьма скудном, хоть и более разнообразном, в отличие от простых смертных, пайке.

– Пирожки, извините, не печёт, – надулся ученый: – Вы, сударь мой, в детстве своём, про магнитодинамические лампы слышали?

– Про что? – Вернувшись на своё место, Анатолий Васильевич протянул руку к светильнику: – Вы позволите?

– Не слышали значит, – кивнул ему Пётр Пантелеевич, одновременно и разрешая, и сожалея: – А жаль! Сии устройства были весьма популярны в семидесятые годы века ушедшего.

– И чем же? – Осмотрев лампу – это была самая обычная керосинка с электролампой вместо фитиля, он поставил её на стол, удивляясь отсутствию бульканья горючей жидкости в нижней части: – Вы... Я верно понимаю, – поднял на него взгляд нарком: – Изобрели сухую батарею для производства энергии?

– Нет! Нет и ещё раз – нет! – отобрав у него своё детище, профессор перевернул светильник кверху ногами и, отделив днище, продемонстрировал ему несколько разнокалиберных катушек медного провода, облепленных маленькими кубиками металла: – Это, – тоном, будто он находился на своей любимой кафедре, начал пояснять учёный, тыча пальцем в непонятные потроха: – Магнитодинамические резонаторы. Вот спросите меня – в чём была проблема тех, – последовал взмах за спину: – Ламп? Ну же, смелее!

– В чём?

– Хороший вопрос! И я, с радостью на него отвечу, сударь! Да-с! Те лампы, хоть и могли работать десятилетиями, были слабы-с! Да-с! Чтобы осветить погреб, Вам, дорогой мой, потребовалось бы их не менее четырёх – пяти! Слабость света, несмотря на его бесплатность, так и не позволила этому, во всех прочих смыслах, замечательному устройству, завоевать популярность!

– Простите, профессор, – как прилежный ученик поднял руку Луначарский: – Вы сказали – бесплатно? Это как?

– Дорогой мой... – Присев на край его стола, учёный снял с носа пенсне: – Посмотрите вокруг! Природа, Мать-прародительница наша, щедро одарила человечество дарами! Бег воды, – пенсне в его руке очертила подобие волны: –

Кою вы запираете в цементный плен для получения электричества. Огонь топок, – пенсне направилось к полу, подразумевая добычу угля: – Ветер, – на сей раз пояснительного жеста не последовало: – Все эти дары матушки Земли мы научились использовать. Но! – водрузив сой оптический прибор на место, Пётр Пантелеевич строго посмотрел на Наркома: – Есть ещё один, поистине неистощимый кладёз энергии, который я и хочу положить к ногам нашей Республики! И есть сие – атмосферная энергия!

– Что, простите? Атмосферная? – Вопросительно приподнял бровь Луначарский.

– Да-с! Электричество, рассеянное вокруг нас, порождаемое самой планетой нашей, есть бесконечная кладовая, и ключ к ней – вот! – постучал пальцем по лампе: – Посудите сами! – Соскочив со стола, Пуглов возбуждённо заметался по кабинету: – Залежи угля истощатся. Реки – пересохнут, ветер – движение воздушных масс, которые так легко поставить на службу для получения энергии – капризны и переменчивы. Но Земля! Земля наша, милостивый мой государь! – Повернулся он к Анатолию Васильевичу возбуждённо сверкая глазами: – Вращалась, вращается и вращаться будет! И – с каждым свои оборотом, производить энергию! Взять её – её, бесцельно расточаемую в мировом пространстве, взять и поставить на службу человечеству – вот подвиг достойный учёного! Вы только себе представьте, – замерев у окна, поманил он к себе наркома, а когда тот приблизился, показал наружу: – Самолёты, самобеглые повозки, поезда! И все – без дыма, чада и шума! Перемещаться в пространстве, пользуясь щедро разлитой вокруг нас энергией! Двигаться, творить, живя в гармонии с Землёй! Вот мой дар Республике!

– Скажите, – косясь на дверь, секретарь уже несколько раз просовывал внутрь комнаты голову, деликатно напоминая о прочих, ожидавших приёма, людях: – А это реально? Ваша лампа да, светит, – покосился нарком на устройство: – Но я понимаю, что энергии она даёт мало. Уверен – будь у Вас возможность, Вы бы, несомненно, устроили более значительную демонстрацию.

– Вы правы, господин нарком... Простите – товарищ. – Поник головой изобретатель: – следует признать, что я сейчас, несмотря на значительный, по сравнению с прежними генераторами, прогресс, всё ещё нахожусь в начале пути. Но этот путь – верен! – Подняв голову он, с вызовом, посмотрел на собеседника: – Верен, Вы понимаете?

– Охотно Вам верю. – Подойдя к столу, нарком что-то быстро написал на типовом бланке и протянул его учёному: – Вот, возьмите. Это требование на усиленное питание. Всё, что могу для Вас сделать, – с сожалением развёл он руками: – Возвращайтесь на кафедру, Пётр Пантелеевич, и продолжайте Ваши исследования. Уверен – и это я говорю Вам от всего сердца, при нашей следующей встрече Вы покажете мне нечто более мощное.

Увы, но следующей встрече состояться было не дано. Вернувшись на родную кафедру, профессор Пуглов продолжил свои исследования и, в самом начале тридцатых, трагически погиб, поражённый разрядом статического электричества.

Его лампа успешно и бесперебойно светила вплоть до начала второй половины тридцатых, являясь своего рода забавным курьёзом, пока не попала на глаза Главкому ВМФ. Активное строительство подводных лодок требовало изобретения множества новых устройств, а светильник, не потреблявший электричества и не расходовавший воздух был оптимален для освещения трюмов подводных судов.

Спешно проведённый розыск обнаружил пару учеников покойного профессора, которые, будучи мобилизованными в шарашку, продолжили его исследования, благо записей Пётр Пантелеевич оставил предостаточно. Продолжение исследований велось вполне успешно и работы были близки к завершению, когда неудачно начавшаяся для СССР война поставила крест на их трудах. Работы были признаны хоть и успешными, но излишними – страна, чьи войска откатывались назад под ударами гитлеровских армий, напрягала все силы, сдерживая натиск завоевателей и о внедрении в производство – с соответственной перестройкой производственных линий под новые задачи, не могло быть речи.

Весь состав шарашки был направлен на фронт, где, практически в полном составе и сгинул.

Выжил из всего состава только один – разысканный силами Министерства ГосБезопасности противотанкист. Он предстал перед очами высокого начальника в самом конце сороковых, когда СССР, спешно залечивавший раны войны, оказался втянут в новую борьбу – теперь уже с бывшими своими

союзниками, во всю козырявшими атомным оружием.

Обладатель круглых очков задал прошедшему Курскую мясорубку артиллеристу всего один вопрос – возможно ли из их ламп сделать бомбу, и тот, не робевший под гитлеровскими танками, ответил положительно. Идея Маршала Советского союза была проста – если энергия была повсюду, то почему бы её не собрать в нужном месте для производства взрыва?

Опасаясь новой, уже ядерной войны, последнего ученика направили проводить свои исследования в Тобольск, подальше от назначенных заокеанскими ястребами к уничтожению городов Центральной части страны. Там, для проведения исследований, был организован почтовый ящик номер «Н», возглавлял который уже известный нам учёный. Забегая вперёд, следует заметить, что бомбу – энергетическое оружие, ему создать так и не удалось. Нет, устройства, изготовленные в ящике, исправно собирали энергию и взрывались, вот только габаритами своими они, мягко говоря, на бомбу не тянули, занимая собой сруб средних размеров, а любая попытка уменьшить их приводила к падению, в геометрической прогрессии, силы взрыва.

Тут бы всем обитателям ящика и пришёл бы конец, но последовавшая смерть Сталина, гибель Берии и объявленная взявшим власть Хрущёвым оттепель, отвела угрозу от их голов.

Рассекреченное заведение получило новое наименование – НИИ Атмосферного Электричества, заодно сменив свои военные задачи на сугубо мирные, вернувшись всё к тем же лампам и, попутно, исследуя феномены образования разрядов в верхних слоях земной атмосферы.

Сказать, что НИИ уж совсем ничего полезного не делало нельзя. Их исследования прохождения сигналов сквозь насыщенные электричеством среды были весьма востребованы разработчиками как радаров, так и спецями набравшей силу космической отрасли. Всё это позволяло коллективу вполне безбедно существовать вплоть до конца восьмидесятых, когда гибнущая Держава вступила в полосу потрясений и хаоса.

Оставшиеся практически без финансирования учёные, недолго думая, решили, следуя древней традиции, послать ходока в столицу, наделив того своеобразной данью – дарами земли Сибирской в виде мехов и крепких настоек на кедровых орехах.

В Столицу прибыл посланник – было решено направить туда снабженца, часто, по служебной необходимости, посещавшего Первопрестольную.

Прибыв по назначению, снабженец был поражён размерами открывшегося ему в стенах Академии Наук, этого Храма Знаний, бардака. Академики, ещё вчера чинно рассуждавшие о мировых проблемах, теперь были готовы вцепиться друг в друга, оспаривая у вчерашних товарищей лакомые куски недвижимости как в Столице, так и в любых, более-менее значимых городах. Тобольск, в силу своей удалённости от цивилизации, особого интереса у них не возбуждал и посланник, радуясь отсутствия интереса к направившему его сюда заведению, поспешил покинуть ставшую настоящим вертепом, Академию.

Он так бы и вернулся с пустыми руками назад, если бы не решил проведать своего коллегу, так же как и он работавшего снабженцем при Академии, но по части архивов.

Оприходовав пару бутылочек сибирской настойки, друзья пришли к выводу, что всё кончено и на дальнейшем развитии наук в сотрясаемой катаклизмами Родине и речи быть не может. Дальнейшее Тобольский гость помнил смутно – в себя он пришёл уже в поезде, уносившим его прочь от Москвы, в окружении набитых древними книгами кофров.

Подлечившись из неприкосновенного запаса, он сумел, хоть и смутно, но восстановить картину происходившего накануне.

Отчаявшись получить желаемое, снабженец, дабы не возвращаться с пустыми руками, обменял все собранные коллективом дары на старые рукописи, повествовавшие об истории Сибирского края и прочие апокрифы, хоть каким-то боком касавшиеся вопросов наблюдения за небом. Зачем ему это потребовалось он и сам не мог вспомнить. Порывшись в карманах, он вытащил на свет накладную, отмечавшую, что «изделие неизв. хр. № 23-12-7690-11» передано НИИ Атмосферного Электричества с припиской, что оно будет выдано новому владельцу по его первому требованию, а пока находится на бессрочном

хранении за счёт Академии Наук РФ. К накладной, скрепкой, было прицеплено описание – пара листов распечатки выползших из новомодного ксерокса. Копии были сделаны симпатичной секретаршей одного из светил науки, в обмен на шкурку чернобурки. Этот эпизод – шкуру лисы на обнажённых плечах молодой прелестницы, снабженец помнил очень хорошо – в отличие от того, зачем ему это «изделие» понадобилось, и почему он не захватил его с собой.

Относительно восстановив работу мозга, чему весьма поспособствовал стакан крепкого чая с сахаром, поданный ему сердобольной проводницей, он принялся листать бумаги, а дойдя до конца, горестно вздохнул, отложив бумаги на столик. Возвращаться к ожидавшим его товарищам, с подобной добычей, было просто стыдно.

Изделие, как следовало из документации, было обнаружено в Сибири при прокладке нитки трубопровода, поставлявшего черное золото в центральную часть страны и далее – европейским партнёрам. Артефакт, как это обычно и бывает – строители нашли случайно. Бур, опущенный в грунт для взятия проб, принёс на поверхность обломки каких-то глиняных табличек, покрытых непонятными символами, которые один из сменных рабочих, увлекавшийся историей и наукой – он даже выписывал журнал «Наука и Жизнь», что делало его абсолютным экспертом по всему непонятному в глазах товарищей, опознал в символах клинопись. А опознав, поднял шум – ну не полагалось палочкам с характерными треугольничками на концах, быть в Сибири. Персидский залив – да. Междуречье – обязательно! Но – Сибирь...

Прибывшие из Северной Пальмиры археологи принялись разворачивать свои шурфы, из которых на белый свет были извлечены десятки этих самых таблиц, большая часть из которых оказалась, увы, побитой. Следующим – когда лопаты и скребки учёных прошли сквозь слой с табличками, был обнаружен и этот артефакт.

Не сумев разобраться в надписях на месте, обе находки доставили в Столицу. В те времена на науку средств не жалели, поэтому доставлял непонятное образование военный Руслан. Но и столичные светила, не сумев определить, что же такое им попало в руки, быстро определили всё найденное как тему, бесперспективную для исследований, и с чистым сердцем закрыли в запасниках до лучших времён, переключившись на более благоприятные для карьеры вопросы.

Находка представляла собой П-образную конструкцию весьма внушительных габаритов – шесть на шесть метров. Сечение ножек, последние были словно набраны из кубиков со срезанными к основанию гранями, было около полутора метров, в то время как перекладина, имевшая с одной стороны ступени, являлась прямоугольником шесть в длину и три – в ширину, имея в толщине не более метра. В добавок ко всему ножки – все их грани, несли на себе по символу, составленному из комбинации точек и клинописных, с характерными треугольничками на концах, палочек.

Весила вся эта конструкция под полтора десятка тонн, что так же было абсолютно несопоставимо с каменным, по внешнему виду, характером породы, из которой её изваяли зодчие древности.

В общем... Дело было ясное – старый друг, пользуясь моментом, впарил ему совершеннейший неликвид, высвободив золотые – с точки зрения аренды, площади имевшихся в его заведовании Московских складов, переместив артефакт из своих владений в зону транзитных грузов.

Как приняли снабженца его товарищи говорить не будем, ограничившись одной формулировкой – нерадостно.

А после...

А после дела в тихом и спокойном Тобольске завертелись на всю катушку – волна приватизации докатилась и сюда, принеся с собой все побочные нелюбимые факты в виде разгула бандитизма, падения нравов и всего прочего, прочно ассоциируемого у переживших этот кавардак свидетелей лихих 90х.

К счастью для НИИ, криминал особого интереса к стоявшему на окраине города зданию не проявлял – были куски и пожирнее. Кое-как, занимаясь всем подряд, институт выжил. Как ни странно, но на помощь ему пришли всё те же лампы. Производимые в ограниченных количествах вечные зажигалки и вечные спички – последние охотно раскупались хозяйками для своих газовых плит, самую малость, но помогли институту продержаться на плаву до Нулевых, когда в

стране, медленно отходившей от охватившего все её члены бардака, стал медленно наводиться хоть какой-то порядок.

Вернувшееся финансирование, хоть и не в таком, как при Союзе, объёме, наконец позволило коллективу, облегчённо вздохнув, вернуться к научной деятельности, лишь изредка, как страшный сон, вспоминая пережитое. Года вновь потекли плавно, не нарушаемые какими-либо сотрясениями, пока, в середине нулевых, в НИИ не прибыло молодое пополнение из числа тех, редких в современное время, молодых людей, которые предпочли соблазнам шумных городов терпеливый труд на благо отечественной науки.

Среди вновь прибывших был и Игорь Маслов, сирота, волею судьбы, или, вернее сказать чуда, оказавшийся в государственной программе развития молодых дарований, которая обеспечила ему, не имевшему за собой ни обеспеченных родителей, ни связей, высшее образование с обязательной отработкой пяти лет по специальности. Сказать по существу, направили молодого инженера-радиоэлектроника в эту глушь только по одной причине – все более вкусные квоты были заблаговременно расписаны среди более, назовём это – приватными кандидатурами.

Своим прибытием Маслов не на шутку озадачил руководство НИИ. Людей-то они просили – факт, средний возраст в коллективе уже плотно подходил к предпенсионному, но зачем им радиоэлектроник – понять или придумать было сложно.

Тем не менее – не отсылать же парня назад, тогда, в следующий раз, и вовсе никого не дадут. В общем, не мудрствуя лукаво, Игорю присвоили звание младшего научного сотрудника и отправили в архив наводить порядок, убирая с глаз и втайне надеясь, что копаясь среди бумаг новоявленный мэ-нэ-эс либо сам сбежит, либо – на второе, впрочем, надежды было мало, проникнется идеями ветеранов и, со временем, займёт подобающее место в коллективе.

Тихая и размеренная жизнь института шла своим чередом. С момента прибытия Маслова в стены НИИ уже прошло около года, и всё это время новоиспечённый сотрудник, не высказывая никакого возмущения, покорно проводил рабочий день в архиве, перебирая и раскладывая по полочкам пожелтевшие от времени

бумаги.

Напомнил же он о своём существовании весьма непрозаическим способом – влетев в кабинет директора института без предварительной записи. Виновна в этом, несомненно, была Ольга Павловна, последние полтора десятка лет стоявшая неподкупным цербером на страже директорского покоя. Как на грех, именно в этот момент она отлучилась, не забыв повесить на ручку двери охраняемого ей кабинета табличку, сообщавшую всем посетителям о происходившем внутри научном совете.

Разумеется, никакого совета там не шло – согласно многолетней традиции, директор, после плотного обеда в столовой НИИ, сладко дремал в своём кресле, разложив перед собой, наподобие пасьянса, папочки с недельными отчётами отделов. Лениво скользя взглядом по бирочкам с каллиграфически выведенными на них темами исследований, он неспешно готовился вытащить одну и провести остаток дня, вникая в ход ведения работ. Результатом сего исследования могло стать, как и поощрение, так и наказание сотрудников.

Наконец, решившись, директор зажмурил глаза – выбор должен был быть совершенно случайным, и покрутив в воздухе ладонью, сжал кулак, выставляя указующий перст.

– Павел Викторович! – Полный неуместной, в этом тихом царстве, бодрости голос мэ-нэ-эса заставил его вздрогнуть и, начальственно рыкнув, открыть глаза – перед ним, прижимая к груди толстенный и, несомненно древний, фолиант стоял Маслов.

– Ааа... Игорёк? – Припомнив смутно знакомое лицо, господин Откусов, прозванный по инициалам, ПВО – «Погоди Выполнять – Отменяют», прозвище, стоит отметить, весьма точно характеризовало своего владельца, удивлённо крякнул и перетёк из положения полулёжа в более вертикальное: – Чего тебе? Ты что – таблички не видел? – Запоздало изобразив начальственный гнев, прищурился Павел Викторович.

– Видел, – ничуть не смутившись, закивал Маслов и, не обращая внимания на недовольное лицо директора, выложил перед ним на стол талмуд, внеся хаос в ровные до того ряды папочек: – Но вы посмотрите! – Осторожно раскрыв по закладке увесистый том он ткнул пальцем в небольшую гравюру: – Вот! Видите?

– И что я должен видеть? – Опасливо косясь на тщательно вырисованную картинку, несомненно бывшую причиной сбоя его так тщательно выверенного распорядка, осведомился Откусов.

Рисунок, по тщательности линий которого можно было судить о внимании художника, стремившегося передать все детали, представлял собой графическое описание некоего празднования.

Фигурки людей, схваченные автором в движении, исполняли, в этом не было сомнений, некий танец, окружая пару квадратных колонн, занимавших центральное место всего изображения. Присмотревшись, Павел Викторович обнаружил небольшую, погружённую в грунт платформу, на которой, словно на прочном фундаменте, и стояли данные колонны. Довершая картину, художник изобразил в отдалении несколько домиков, солнце – не забыв изобразить на диске доброе, по-отечески улыбавшееся лицо и пучки молний, бивших с лишённого облаков неба прямо в колонны.

Чуть в стороне, директор заметил эту фигурку в последний момент, находился человек, облачённый в длинные, несомненно жреческие одежды. Его голову украшала широкополая, непривычной квадратной формы шляпа с загнутыми спереди вверх, а сзади вниз полями – сбоку она напоминала попавший в пресс символ бесконечности. В одной руке служитель непонятного культа держал не то дощечку, не то табличку с какими-то каракулями, а другой он опирался на ритуальный посох, чья раздвоенная вершина наводила на мысли об ухвате или греческой букве Омега, перевёрнутой кверху ногами.

– И что? – Покосившись, против своей воли, на нижний ящик стола – находившаяся там тарелочка с ломтиками лимона, заботливо посыпанного сахаром и корицей манила Откусова куда сильнее каких-то там давно исчезнувших ритуалов: – Ну празднуют что-то. И что? – повторил он, против своей воли сглатывая слюну, обильно наполнившую его рот при мысли о закуске и о ждавшей своего часа по соседству с тарелочкой, плоской бутылочке коньяка.

– Это не празднование... Это нечто большее, вот, смотрите, – перевернув несколько листов – до следующей закладки, Игорь показал на очередную картинку.

Центральное место в ней, как и прошлый раз, занимала уже знакомая Павлу Викторовичу, конструкция, вот только теперь, между колоннами были натянуты тонкие, как бы дрожавшие от переполнявшей их энергии, нити. Прочие участники – солнце, всё с той же одобрительной улыбкой и домики некоего поселения, как и прежде пребывали на своих местах, а вот с людьми, прежде весело отплясывавшими вокруг конструкции, произошли серьёзные изменения. Уменьшившись в количестве и попутно растеряв весь весёлый задор, люди, присутствовавшие на картинке, были заняты тяжёлым трудом. На их лицах, несмотря на тяжёлые тюки, пригибавшие их к земле, господствовали радостные улыбки.

– Ааа..., – отмахнулся от картинке Откусов: – Караван перепакуют, или как это правильно называется? Караван сарай? Место отдыха. Вот они и радуются, – постучал он тыльной стороной карандаша по улыбавшемуся во весь рот носильщику.

– Вполне возможно, – покладисто, даже слишком покладисто согласился с ним Маслов и, вытащив из-под следующего листа книги небольшую стопку бумаг, принялся перебирать их, отыскивая нужный: – Я сделал копии картинок, – пояснил он, вытаскивая нужный листок: – Вот, посмотрите, это следующий эпизод.

Первое, что бросилось в глаза Павлу Викторовичу, было Солнце. Светило, первые две картинки, хранившее добродушное выражение лица, теперь гневно скалилось на происходящее внизу. И, присмотревшись, он понял отчего.

Городок, чьи аккуратные домики были хорошо различимы вначале, сейчас представлял собой жалкое зрелище. Дымящиеся обломки, одинокие зубья печных труб и трупы, схематично, словно автору было неприятно их вырисовывать, всё это однозначно указывало на произошедшую здесь, и совсем недавно – кое-где художник изобразил огоньки пламени, трагедию.

Переместив взгляд в центр, Павел Викторович увидел и виновников.

Тройка воинов, облачённых в странные, производящие отталкивающее впечатление, доспехи, стояла напротив неизменно занимавших центральную

часть рисунка, колонн, как и на предыдущем изображении, соединённых меж собой дрожащими нитями. Ещё двое находились чуть в стороне – один, склонив увенчанную высоким и каким-то ребристым шлемом, в сторону лежащего на земле человека, замахивался многохвостой плёткой, в то время как другой, подняв к плечу на манер ружья ребристую, как и шлем палку, на дальнем конце которой красовался широкий и изогнутый тесак, угрожал сбившимся с самым испуганным выражением лиц в кучку людям.

Чем дальше директор рассматривал воинов, тем сильнее в его душе поднималось подспудное желание отвести взгляд от запечатлённых на пергаменте фигурок. Всё, каждая старательно изображённая деталь их боевого облачения была одновременно и чужда, и странным образом естественна земной культуре.

Так, например, высокие, в три головы, шлемы, наводили на образ паяца Пьеро, разве что были квадратными и имели на своих острых кончиках не помпон, а клочок не то волос, не то перьев, игравший роль плюмажа. Торс, этих тонких и как-то болезненно стройных воинов, был заключён в такую же, как и голова, квадратную в сечении броню, сильно по своему виду напоминавшую римскую лорику – так же составленную из отдельных, наплывавших одна на другую, броневых сегментов. Конечности же, что руки, что ноги, продолжали общий стиль, мысленно, неосознанно, названный Павлом Викторовичем, квадратно-римским, вот только что локти воинов, что колени окаймлялись парой торчащими из соседних частей брони узкими лезвиями, позволявшими, и это Откусов понял сразу, удобно наносить разящие удары назад и вниз, не говоря уже об атаках ногами. Довершали образ широкие, как у самураев, наплечники, загибавшие свои концы вверх наподобие крыш китайских пагод.

По скромному мнению, директора, отслужившего своё ещё при Союзе, подходить к такому бойцу, предварительно не нашпиговав его десятком пуль из верного Калаша, было бы верхом глупости.

– Нападение кочевников? – Предположил директор, прекрасно понимая абсурдность этого варианта – художник, до того мастерски передававший мельчайшие детали, несомненно изобразил бы и лошадей.

– Возможно, – вновь не стал спорить Игорь, подсовывая ему следующий лист: – Вполне возможно, что и кочевники. Вот только не наши.

Город, ещё дымившийся на предыдущей картинке, сейчас представлял собой грудку развалин – даже печные трубы, до того возвышавшиеся памятниками былому уюту, сейчас были порушены до основания. Даже Солнце было частично скрыто невесть откуда взявшимися тёмными тучами, избегая смотреть на происходящее внизу.

Странных воинов на картинке было всего два. Один из них, подняв над головой ту самую плётку, торопил колонну пленников, связанных цепочкой. Проследив направление их движения, Павел Викторович едва не вскрикнул – начала печальной цепи видно не было – люди, подчиняясь насилию, двигались в промежутки между колонн, исчезая среди всё тех же нитей. Неизвестный автор, стремясь донести до зрителей происходящее со всеми возможными подробностями, даже изобразил одного из пленников половинкой, ясно давая понять, что вторая часть туловища сокрыта за переплетением тонких линий, соединявших собой каменные громады.

Второй воин, опираясь на свою палку с тесаком, смотрел куда-то вдаль, приложив козырьком ладонь к шлему, отчего его наплечники и налокотники оцетинились, выставив в пространство изогнутые клинки своих краёв.

Там, куда этот воин устремлял свой взгляд, сердце Откусова пропустило удар – там поднимался вверх характерный грибовидный силуэт, быть которому на пергаменте не менее чем двухсотлетней давности никак не полагалось.

– Что это? – С трудом шевеля резко пересохшим языком, выдавил из себя Павел Викторович, а затем, махнув в душе рукой, вытащил из ящика заветную тарелочку. Наполнив пару рюмок он, кивнув мэ-нэ-эсу, торопливо опрокинул эликсир в себя и только закусив идеально дошедшим до нужной кондиции лимоном, перевёл взгляд на Игоря: – Ты это, – наполняя рюмки по второй, показал он глазами на гриб ядерного разрыва: – Объяснить можешь?

– Война, – принимая рюмку коротко ответил тот: – Вторжение и война. Судя по деталям – рисовал явно очевидец, она произошла здесь несколько сотен лет

назад. Может двести, может четыреста, а может, – не договорив он махнул рукой: – После произошедшего историю переписали – не то победители, правя её под себя, не то выжившие, стараясь забыть о случившимся. Так что точнее сказать сложно – даже язык, на котором написана книга, сейчас неизвестен.

– Как это – неизвестен? – Проведя пальцем по заполненным красивой восточной вязью строкам, он недоумённо посмотрел на Маслова: – Это же арабский, верно?

– Очень похоже, но нет. – Покачал головой тот: – Я передавал образцы текста в Москву, своим знакомым по интернету – увы, – он с сожалением развёл руками: – Прочитать это невозможно. Похоже на арабский – да. Но только похоже. Ничего общего. Кроме внешнего вида, – торопливо поправился он.

– А какой?

– Неизвестно. Но я сумел определить место, где всё это происходило.

– Хм... И как?

– Тут, – Игорь ласково погладил фолиант: – В самом конце, есть карта. Я перевёл её на кальку и принялся искать.

– Нашёл? – Ощущая во рту неприятный привкус, выдавил из себя Откусов.

– Да, Павел Викторович, – кивнул тот: – Здесь это было. В Тобольске. Смотрите, – наложив на современную, несомненно скачанную с Гугл Мэпс карту полупрозрачный лист тонкой бумаги, он пригладил его рукой и молча показал результат.

– Русло, конечно, за прошедшее время малость ушло в сторону, – принялся давать пояснения Маслов, но господин директор его не слушал – то место, где на кальке были обозначены непонятные колонны, являвшиеся центром увиденного им комикса, было слишком ему хорошо знакомо – здесь и сейчас раскинул свои корпуса его институт. От неприятных мыслей – осознавать, что ты, день за днем, ходишь по месту бывшей кровавой драмы было неприятно, его отвлекли знакомые слова, произнесённые говорившим всё это время, мэ-нэ-эсом.

- Погоди, Игорёк, – приподнял руку Павел Викторович, прося того замолчать: – Ты сказал – Тартария?

- Великая Тартария, – закивал тот: – Все факты говорят, что тут, – он обвёл рукой пространство вокруг себя: – Некогда была столица Великой Тартарии. Поэтому нет ничего удивительного, что Проход, – он постучал всё тем же карандашом по копии рисунка: – Был привезён, ну, или создан, здесь – в столице великой Империи.

- На свою беду.

- Что, простите?

- На свою беду, говорю, был создан. Вот сидели бы себе тихо – можем и мы бы сейчас, Павел Викторович позволил себе хихикнуть: – Были бы не Россиянами, а Тартарцами. Ну да ладно, – коньяк привел его в доброе расположение духа, а рассказ Маслова, вкуче с картинками, был, по-честному, достойным завершением этого трудового дня – игра с папочками, повторявшаяся изо дня в день, успела директору порядком приесться.

- Ну да ладно, – повторил он, разливая коньяк по рюмкам: – Спасибо, Игорёк, повеселил. Давай ещё по одной и в архив иди. Занятную историю ты мне рассказал. Спасибо. Премию выпишу, но, – он шутливо погрозил пальцем своему подчинённому: – Что бы в архиве порядок был! Лично зайду! – Опрокинув в рот рюмку он торопливо закусил долькой лимона: – На днях.

- Но, Павел Викторович, а как же это? Неужели мы вот так просто и забудем?

- Игорь, – пора было заканчивать эту комедию и Откусов тяжело поднялся из-за стола: – Игорь, – повторил он, подходя к пареньку и кладя руку тому на плечо: – Мы же не археологи, и не историки. К чему нам это? Да, – он снисходительно потрепал Маслова по плечу: – Интересно. Познавательное и, я бы даже сказал – захватывающе. Но мы, Игорь, изучаем атмосферное электричество. Понимаешь? Каким боком нам всё это? – Его указующий перст ткнул в стопку отксеренных листов: – Не наше это дело.

- Не наше? А это?! – Перед Павлом Викторовичем появился самый первый рисунок – С молниями на чистом небе: – Вот же! Атмосферное – во всей красе.

– Вольность художника, – пожал плечами директор, всеми силами старавшийся заглушить любопытство учёного, которому судьба подкинула очередную загадку: – Для усиления эффекта.

– И атомный взрыв – вольность? – Выложив на стол последнюю картинку. Припечатал её ладонью Маслов: – Нет, Павел Викторович. Прошу меня простить, но я с вами не согласен.

– Ну, не согласен, так не согласен, – миролюбиво протянул Откусов, собирая картинки в стопку и закрывая толстенный том: – Я картиночки твои себе заберу – ты же не против? Посмотрю на досуге. А Вы, молодой человек, – директор вернулся на своё место и, приняв начальственную позу, ткнул карандашом в Игоря: – Извольте вернуться на своё рабочее место! До конца рабочего дня, – он сверился с наручными часами – недорогой копией известной марки: – Ещё два с половиной часа... Я Вас более не задерживаю. – Убрав в стол и тарелку и бутылку, он настороженно посмотрел на Маслова, не сдвинувшегося с места: – Что-то ещё? Или Вам, господин Маслов, что-то непонятно?! Идите и работайте!

– Да, Павел Викторович, – напрягшийся мэ-нэ-эс дерзко посмотрел директору прямо в глаза: – Мне непонятно, как Вы – известный учёный, можете отказаться от такого исследования! Мне непонятно как Вы – чьё имя постоянно мелькает в СМИ, не хотите заняться этим, – он постучал пальцем по тёмной обложке фолианта: – Революционным исследованием! Это же очевидно – перед нами Портал! В другие миры! Как можно просто взять и пройти мимо!

– А вот льстить мне не надо, – искушённый за долгую жизнь Откусов легко разгадал нехитрый план пытавшегося его задобрить сотрудника: – И на слабо, – он усмехнулся: – Меня пробовать брать не стоит. Что следующее – заявление на стол? Уже припас, или вот прямо сейчас – потребуешь от меня бумагу, накатаешь, а потом – рыдая и кляня ретрограда – это я про себя, если ты не понял, выбежишь из кабинета? Ну? Чего молчишь? Написал?

– Да, – буркнул красный как рак Игорь: – Вот. – Вытащил он из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

– Тэк-с... – Взяв со стола очки, Павел Викторович очень не любил пользоваться этим девайсом, полагая, что они его старят, принялся разглядывать строчки заявления: – Ай-ай-ай, – покачал он головой, быстро пробежав глазами по

тексту: – Непорядок. Причина не указана.

– Там по собственному.

– Но Вы же, господин Маслов, покидаете нас из-за того, что ваш начальник – враг прогресса, ретроград, могильщик идей. Дописывать будешь?

– Нет, – мотнул головой Маслов.

– Тогда – не по форме. Составлено неверно, – разорвав заявление на части, Павел Викторович осторожно выбросил клочки в корзину для бумаг – мусора в своём кабинете он не допускал: – Вы же, Маслов, честный человек?

Последовал молчаливый кивок.

– Вот. А тут, – последовал кивок на корзину: – Врёте. Нехорошо.

– Но, Павел Викторович! – Игорь умоляюще прижал руки к груди: – Это же величайшее открытие! Мы сможем посещать другие миры, знакомиться с иными расами, узнавать их культуру, технологию. Павел Викторович, – Маслов наклонился над столом: – Ведь там, – понизив голос, он ткнул пальцев вверх, намекая на далёкое отсюда столичное руководство: – Не смогут пройти мимо технологий. Это же просто подарок будет. Всему миру и стране!

– Вот поэтому, Игорёк, – директор откинулся в кресле: – Ты сейчас и пойдёшь в архив. Спрячешь этот том, а обо всём этом, – отбил короткую дробь по стопке копий Откусов: – Забудешь.

– Но почему?!

– А что я наверх доложу? Твои картиночки? Мол посмотрите – вот что мы в архиве у себя нарыли?

– А Портал?

– Он у тебя с собой? В кармане? – Иронически прищурился на него начальник: – Нет? Ну – на нет и суда нет.

– Есть! – Победным тоном возвестил Игорь, торжественно кладя на стол перед ним, вложенные в прозрачный файл, блёклые от времени листы.

– Это что? – Опасливо отодвинувшись от стола, с подозрением уставился на новый объект Откусов.

– Портал. И он – принадлежит нам. Уже лет семь как. Его нашему институту передали. Здесь, – Маслов пододвинул файл директору: – Вот сверху – накладная. Всего-то, получить с транзитного склада. Вес правда большой – полтора десятка тонн, но Руслан потянет. Я уже всё продумал, Павел Викторович, – принялся он с жаром объяснять несколько ошарашенному таким поворотом дел директору: – Из Подмосковья – сюда, Русланом. Здесь, у нефтяников, можно Ми-26 взять, он дотащит до нас, тут лететь от аэропорта, всего ничего. Поставим во дворе – вы же карту видели.

– Игорь Игоревич, – припомнив отчество, поименовал его по-взрослому Откусов, уже понимая, что просто так от того не отбиться. Да и наличие артефакта, так счастливо, или обратно – неудачно, смотря с какой стороны посмотреть, оказавшегося в его заведовании, в корне меняло дело.

– Игорь Игоревич, – двинул файл обратно, к Маслову, по столу директор: – А Руслан – доставку, то бишь, мы из каких фондов оплатим?

– Вы мне премию обещали, – боднул головой воздух Маслов: – Вот её и возьмите. Мало – из зарплаты вычтите. Я согласен.

– И вычтем! – Ощущая давно позабытый азарт учёного, находящегося в шаге от открытия, поднялся со своего места Откусов: – Вот как не откроешь, Портал этот свой – так сразу и вычтем. За всё!

Глава 2

Доставка каменной громады много времени не заняла. Гораздо больше и времени, и сил потребовала бумажная волокита – разросшаяся в разы по сравнению с Союзом, чернильная братия, всеми силами оправдывая занятие

своими задницами уютных кабинетов, плодила всё новые и новые требования, предписания и инструкции, за выполнением которых внимательно следила. Наверное, действуя в одиночку, Павел Викторович, несмотря бы на весь свой опыт преодоления подобных препон и сдался бы, но Игорь, казалось живший этой идеей, раз за разом – где улыбкой, где добрым, а зачастую покаянным словом или банальной шоколадкой с шампанским, успешно преодолевал все преграды, отделявшие его от поставленной цели.

Но даже его энергия оказалась бессильна перед медленно вращавшимися жерновами бюрократической машины. Прошло не менее полугода прежде чем изрядно исхудавший и осунувшийся Маслов, смог наконец расслабиться и задремать, кое-как устроившись на брезенте, покрывавшем артефакт. Все три часа полёта ему снились столичные девушки, своей ухоженностью и утончённостью имевшие неоспоримое преимущество перед сибирскими красавицами. В его снах красоты нескончаемой вереницей тянулись в полыхавший ядовито-зелёным светом портал и выходили с другой стороны, уже облачёнными в гротескного вида броню, состоявшую исключительно из бронешорт и топика.

Выгрузка и транспортировка каменной конструкции во двор института так же прошла без особых проблем. Пилоты Ми-26, радуясь возможности подкалымить, доставили артефакт на место за четверть часа, лишь немного отклонившись от своего маршрута. Получив на руки оплату, пилоты откланялись и, взмыв вверх, оставили высыпавший на улицу коллектив НИИ один на один со своим приобретением, воздевшим к небесам две, пока ещё закутанные в брезент, колонны.

Стоило только всей конструкции замереть на заранее подготовленном пяточке посреди двора, как к ней устремились, на ходу примеривая стремянки, рабочие технического отдела, в чьи задачи сегодня, входила очистка гостя от транспортной упаковки. Не менее других желая взглянуть на приобретение, рабочие споро удалили брезент и, прихватив его с собой – в хозяйстве пригодится, заняли места в задних рядах, готовые насладиться продолжением шоу.

– Ну что ж... – Подойдя к артефакту, Павел Викторович погладил рукой гладкий, несмотря на множество тонких трещин, бок колонны: – Игорь Игоревич, – подманил он к себе рукой Маслова: – И как эта мнэ... шарманка, работает?

– Она вначале зарядиться должна. От атмосферы, – поднял голову к небу тот, ожидая увидеть, как и в давешней книге, пучки молний, торопящихся передать свою энергию молчаливо застывшей конструкции. Но небо, бывшее в тот день идеально чистым, делиться своими силами явно не собиралось. Минуты шли за минутами, но ничего так и не происходило, отчего сотрудники, бросая насмешливые взгляды в сторону застывшего перед артефактом мэ-нэ-эса, принялись неспешно расходиться, не желая оставаться в поле зрения директора, когда терпение того истощится.

Поняв, что милости от природы ждать можно бесконечно, Маслов уселся прямо на нижнюю площадку конструкции и принялся перебирать копии рисунков, надеясь найти в них пояснение происходящему – вернее сказать – не происходящему.

– Не понимаю, – заметив подошедшего Откусова поднял он от бумаг голову: – Она должна! Должна! Артефакт именно тот, вот, видите! – Вскочив на ноги он указал на сложную вязь, шедшую по вертикальным частям ступенек: – Эхх... Ещё бы знать, что тут написано!

– Да, это было бы полезно, – задумчиво пробормотал в ответ директор, вновь принимаясь поглаживать бок колонны. Странно, но камень под его пальцами был тёплый – Павлу Викторовичу даже на миг показалось, что тепло тонкими ростками пробивается сквозь трещины, наполняя его ладонь уютом, словно гладил он не древнюю конструкцию, а большого и ласкового кота, истосковавшегося за долгую разлуку по своему хозяину.

– Но ты же разберёшься? – Разомлев от ощущений, он с трудом оторвался от артефакта, списывая нахлынувшие чувства на усталость и радость от завершения тянувшейся достаточно долго эпопеи: – А, Игорёк?

– А? Ах, да. – Оторвавшись от копий, тот поднял голову: – Обязательно, Павел Викторович. Я уверен – это именно то, что и было изображено в книге. Я упускаю какую-то деталь. Какую-то мелочь. Но я разберусь.

– Вот и славно. Разбирайся. – С трудом преодолев внезапно возникшее желание прижаться к колонне, обнять её и слиться с камнем, Откусов резко развернулся и быстрым шагом направился в свой кабинет, ощущая жалость от расставания с артефактом.

Поднявшись в свой кабинет и кивнув Ольге Павловне – та, понимая своего босса с полуслова, мигом вытащила из стола заветную табличку, Павел Викторович, не снижая скорости, направился к шкафу. Достав припасённую бутылочку Наполеона, он, нарушая заведённые и отполированные годами традиции, налил себе полный стакан и одним махом, почти не ощущая вкуса, ополовинил его. Только ощутив, как чувство вины, терзавшее его с того момента как он ушёл от артефакта, начало ослабевать, вытесняемое алкогольным дурманом, он опустился в кресло, глядя на стоявшую перед ним бутылку.

Однако долго сидеть у него не получилось – прихватив стакан, Откусов двинулся к окну, откуда, как на ладони, просматривался до того пустой двор, где сейчас, по центру возвышалось его приобретение.

Вид вздымавшихся колонн и замершей на основании фигурки, неожиданно принёс в его душу спокойствие.

– Нервы-нервишки... – Пробормотал, радуясь опустившемуся на него спокойствию, Павел Викторович, мелкими глотками загоняя в себя коньяк: – В отпуск надо...

За следующие пару месяцев Игорь, практически переселившийся в свою каморку подле архива, несмотря на все свои усилия, так и не смог приблизиться к разгадке портала. Он перепробовал всё – начиная от найденного на дальнем кочевье шамана, который, окружив артефакт цепью костров, всю ночь скакал вокруг них завывая и тряся бубном, и заканчивая ориентацией всей конструкции – сначала по современным полюсам, а затем и нацеливая их то плоскостью проёма, то поперёк на места, где те полюса были две с половиной – три сотни лет назад.

Безуспешно!

Каменные пальцы продолжали хранить молчание не желая притянуть к себе хоть самую завалящую молнию.

Придя в отчаяние, Маслов даже соорудил громоотводы, надеясь принудительным разрядом пробудить спящее устройство, но молнии – конец лета выдался весьма обильным на грозы, только скользнули по каменным бокам, бесследно растворившись в земле.

Черная меланхолия, овладевшая молодым человеком после провала последней попытки, превратила до того весёлого и общительного паренька в замкнутого, бормотавшего себе под нос неразборчивые и явно нецензурные фразы. Сослуживцы, до того не отказывавшие себе в удовольствии подколоть исследователя, стали его сторониться, избегая его общества и единственным, кто осмеливался нарушать его покой, оказалась, как это не покажется странным, Ольга Павловна.

Старый Цербер, бессменного секретаря Откусова, за глаза разумеется, именовали именно так, взяла над ним шефство, силой своего авторитета заставляя НБГ – нашего безумного гения – эта кличка накрепко прилепилась к Маслову, хоть как-то следить за собой.

Цербер, перед которой по стойке смирно – в струнку вытягивались столичные светила, злые языки поговаривали, что при ней даже сворачивались в точку и застывали в неподвижности неутомимые синусоиды на экранах осциллографов, не обращая внимания на смешки за своей спиной, регулярно навещала Игоря, принося из дома то пару котлеток, то пирожок, словно перед ней был так и не появившейся на свет ребёнок.

– Опять не обедал! – Недовольно покачала головой Ольга Павловна, ставя прямо на бумаги тарелку со вторым, прихваченную ей из столовой: – Игорь! Мы же договорились!

– А... А я – обедал! Честно! – Учувя запахи, поднимавшиеся от еды, он невольно сглотнул, выдавая себя с головой.

- И не ври! - Погрозила ему пальцем Церберша: - Мне Маша регулярно про тебя докладывает!

Маша, как вы уже догадались, была местной поварихой, как и все в институте, предпочитавшей не спорить с секретарём.

- Она меня не заметила. Я... Да что уж там, - отлично понимая, что спорить бесполезно, Игорь взялся за ложку.

- Вот именно, - переложив со стула на пол растрёпанную пачку каких-то, испещренных графиками листов, она уселась и подперев кулаком подбородок принялась смотреть, как её подопечный работает ложкой.

- Я вот что думаю, Ольга Павловна, - в перерывах между наполнением рта, торопливо принялся рассказывать он: - Это не те колонны.

- Как это не те?

- А вот так. Нас обманули. Думаю, нет - Я почти уверен, что это заговор.

- Заговор? Ты только не спеши, ешь нормально.

- Да, заговор! Наверное, те, в броне. Хотели скрыть, ну - что были у нас. Напали, захватили пленников, бомбы повзрывали - и сбежали! Думаете, я псих?

- Ну что ты, Игорь, - Покачала головой секретарь: - У меня и близко таких мыслей не было.

- А вы на картинку посмотрите, - облизав ложку - Ольга Павловна, как и директор, были просто сущими маньяками в вопросах чистоты, и уронить кусочек еды на рабочий стол в их присутствии было немыслимым святотатством, указал он на лежащий в раскрытом виде том: - Там лупа лежит. Я - как увидел, так сразу понял! Нам не тот портал дали. Фальшивку. Вы посмотрите. Ааа... Давайте я сам вам покажу, - начал было он подниматься с места, но натолкнувшись на недовольный взгляд Цербера быстро уселся назад.

- И посмотрю. Ты только доешь. Как очистишь тарелку - так сразу.

- А...

- Ты - ешь, я - смотрю. Идёт?

- Вы на колонны смотрите! На сами...

- Игорь!

Убедившись, что подопечный послушно принялся работать ложкой, Ольга Павловна, подойдя к книге, взяла в руки мощную лупу. Нельзя сказать, что она поверила словам Маслова - и не вооружённым взглядом было видно, что тот постепенно сходил с ума, постоянно истязая себя тяжелыми раздумьями.

- Вы... Столбы гляньте, - пробормотал Игорь с набитым ртом, но, повторно получив удар тяжелого взгляда, принялся быстро работать челюстями.

Наведя лупу на хорошо знакомый рисунок, мало кто из сотрудников института не ознакомился со множеством наделанных Игорем копий, она озадачено почесала подбородок - усиленная мощным стеклом картинка предстала перед ней множеством новых деталей.

- И мы... И как мы ранее этого и не замечали? - Тихо, почти шепотом пробормотала она себе под нос, но Маслов, проводивший свои уединённые дни практически в полной тишине, хорошо слышал её голос: - На копиях это не видно - сливается с самим рисунком. А на оригинале - вы же сами видите - лупа нужна.

- Да... Действительно...

Столбы, заполненные на копиях однородной штриховкой, на самом деле несли на своих гранях символы - ту же клинопись, что и на обломках табличек, во множестве выкопанных сначала строителями, а затем и археологами. Да и сами кубики, оказавшись предметом пристального изучения, стали больше походить на кубооктаэдры - гранённые шары, состоящие из шести квадратов и восьми треугольников - Цербер, в свое время увлекшаяся от скуки головоломками по типу кубика Рубика, сразу узнала эту фигуру, которую она много раз складывала

из пластиковой гранённой змейки.

Символы – очень похожие на клинопись, чьи резкие черты неприятно царапали глаз соседствуя с плавной, псевдо-арабской вязью, присутствовали везде – они равно заполняли собой что квадратные, что треугольные плоскости многогранника.

– Видите? – Расправившийся со своей порцией Маслов сыто зевнул, потянулся и, вытащив из-под бумаг пачку сигарет, хотел уже было закурить, когда Ольга Павловна, бывшая апологетом здорового образа жизни, вскочила с места решительно протестуя против его намерения.

– Игорь! Если Вы желаете травить себя этой гадостью – Ваше право. Но я, как лицо заинтересованное, требую, чтобы Вы немедленно вышли на улицу. И – учтите! Если я, хоть раз, хоть малейшую капельку запаха, – она свела пальцы почти вплотную, наглядно демонстрируя ту самую малость: – Учую, то Вам, Игорь Игоревич...

Игорь, которого слова Цербера, вернее интонации, которыми они были произнесены, практически катапультировали из кресла, моментально оказался около двери, всем своим видом показывая, насколько сильно он истосковался по свежему воздуху.

– И не надо думать, – принялась поучать его Ольга Павловна, пока они шли по коридорам института: – Что я злыдень какой. Ни разу. Но вот Вы сами подумайте, Игорь, вы же умный человек, проследите логическую цепочку – курение, бумаги, непотушенный окурок и, как следствие, пожар. А я, знаете ли дорогуша, слишком стара, чтобы искать новое место службы.

– Ну... Ну что Вы, Ольга Павловна, ну... Я всё понял – только на улице, в курилке. И не наговаривайте на себя – Вы ещё и не стары, что Вы! Да за вами не каждая молодая угонится!

– Не льстите мне, Игорь, – расцвела в улыбке та – всё же лесть, хоть она и понимала, что ей льстят, была приятна: – Я сама знаю... Кстати, я Вам рассказывала о новой технике дыхательной гимнастики? Нет? Послушайте – это очень интересно, мне её прислал мой давнишний поклонник из КНР, Вам, раз уж

Вы курите, она будет очень кстати. И пейте побольше кипятка!

– Кипятка? – Они уже подходили к входным дверям и Игорь, неосознанно оттягивая момент встречи с артефактом, чью загадку он так и не смог преодолеть, замедлил ход: – Вы сказали – кипятка?

– Да-да! Именно кипятка! – Подхватив его под руку, потащила его на улицу Ольга Павловна: – Чистый кипяток. Сейчас все китайцы с собой термосы носят – и именно с ним. Пьют – постоянно! И знаете, что интересно? Помогает! Все болячки – как рукой снимает.

Машинально кивая в такт её словам, Маслов, влекомый неутомимым секретарём, и сам не заметил, как они оказались прямо напротив возвышавшейся посреди институтского двора, каменной громадины.

Сегодня вокруг неё, превратившейся за это время из новинки в привычную деталь пейзажа, суетились рабочие технического отдела. Следуя приказу директора, они обносили артефакт невысоким заборчиком – Павел Викторович, рассудив, что отдельно стоявшие колонны портили вид, распорядился разбить вокруг них клумбы с цветами, пытаясь превратить пустышку в занятную деталь архитектурного дизайна. А, расставив вокруг ограды скамейки, и вовсе придать дворику подобие летнего, а может и зимнего сада, неспешные прогулки по дорожкам которого, должны были – согласно его задумке, настраивать сотрудников на вдумчивые размышления о рабочих проблемах.

– Вот, видите? – Вырвав руку – не ожидавшая подобного Ольга Павловна замолчала на середине фразы, Маслов рванул к колоннам, перепрыгивая через разложенные на земле обрезки труб, назначенные техниками на роль столбиков будущей ограды.

– Никаких символов! Ни-че-го! Гладкая – как коленка! – Ударил он кулаком по каменному боку и, вскрикнув от боли, отшатнулся: – Ах так! Сволочь! Подделка чёртова! – На самом деле, Игорь выражался гораздо крепче, но по соображениям цензуры передать его эмоции дословно автор возможности не имеет.

Отскочив от торчавших в небо пальцев, он подхватил с земли обрезок трубы и, не переставая ругать артефакт, принялся молотить по нему своим импровизированным орудием. Каждый его удар сопровождался разлетающимся в стороны каменным крошевом, но он, не обращая внимания на бьющие в лицо осколки, продолжал наносить частые удары, словно стремясь разрушить, заставить пасть ниц объект, вызвавший обрушение своих мечтаний и надежд.

Ольга Павловна, видя такой срыв, только всплеснула руками, растерянно глядя на рабочих, так же предпочитавших быстро ретироваться подальше от сыпавшейся градом каменной картечи.

- Господа! Ну сделайте что-то?! - Показала она технарям на разбушевавшегося парня: - Остановите же его! Не видите - он же поранит себя!

- Да как его теперь остановить, - пряча в роскошные, сильно побитые сединой усы усмешку, усмехнулся ветеран технического отдела Иван Семёнович. Работая в НИИ считай с момента его переезда в Тобольск, он повидал на своём веку, и не такое. А посему - не торопясь раскуривал тщательно обмятую беломорину, время от времени бросая короткие взгляды на продолжавшего орудовать трубой молодого человека: - Устанет, вот тогда и оттащим. Сейчас-то, Ольга Павловна, ну вы сами посудите - под трубу лезть? А ну как он и с нами драться начнёт?! Да и парня губить незачем, - выпустив струйку едкого дыма, философски пожал плечами Дядя Ваня: - Так - за порчу имущества - ну, премии лишат. А вот трубой заедет - так это уголовка уже. Да вы не переживайте. Намахается вдосталь и отстанет.

- Дядя Ваня! Ну вы то! - Бросив на курильщика недовольный взгляд, Иван Семёнович только безразлично пожал плечами - мол, а мне-то что ты сделаешь, секретарь, сохраняя на лице недовольную гримасу, двинулась к Маслову и, улучив момент, с силой дёрнула того за ворот куртки, опрокидывая увлёкшегося Герострата на спину.

Осознав, что дальнейшее промедление может быть истолковано не в их пользу, техники, рванувшись всем скопом, навалились на копошащегося подле нижних ступенек артефакта, Игоря, весом своих тел надёжно припечатывая его руки и ноги к земле.

– Врача! Срочно врача сюда! – Принялся распоряжаться Иван Семёнович, заняв стратегическую позицию на платформе меж колонн: – Да скажите – путь успокоительного захватит! Ну – ты как? – Склонился он над Игорем: – Прочухался? Ты пока полежи – сейчас доктор придёт, укольчик поставит. Чик! – Щёлкнул он пальцами: – И как новенький будешь.

– Пустите. Я всё, – Обмякший и распластаный на земле Маслов, приподнял голову отыскивая дядю Ваню взглядом: – Отпустило.

– Точно?

– Да.

– Ну смотри, – погрозил ему пальцем Иван Семёнович и кивнул своим – техники, видя, что опасность миновала, начали медленно расползаться в стороны, давая своей жертве свободу.

– Ну что же Вы так, Игорь Игоревич, – присевшая на корточки Ольга Павловна помогла ему сесть и принялась отряхивать спину куртки, перепачканную землёй: – Нервы беречь надо. Ах, как нехорошо получилось, – сокрушённо покачала она головой: – Вот и Павел Викторович недоволен будет. Эх, Игорёк... Ну как же Вы могли так сорваться.

– Погодите... – Встав на колени, Игорь потряс головой: – Посмотрите – это я об землю ударился или...

Его дрожащая рука протянулась к колонне – той самой, по чьей поверхности он так неистово лупил трубой ещё пару минут назад.

– И... Что я там должна увидеть? Камень, как ка... – Ольга Павловна, хотела было закончить фразу в укоряющем ключе, намекая на нанесённые вандалом повреждения, но Маслов, одним прыжком оказавшийся на ногах, уже был подле истерзанной его ударами колонне. Подхваченной с земли трубой, как та оказалась в его руках никто заметить не успел, он принялся осторожно, можно даже сказать – нежно, обстукивать край камня.

Там, чуть ниже места куда направлялись его удары, проступала другая, светло серая фактура, на поверхности которой были хорошо различимы глубоко прорезанные символы клинического письма.

– Похоже, – спешно прибывший к артефакту Павел Викторович, пристально разглядывал отколотый Игорем кусок облицовки: – Что это нечто вроде штукатурки. Кто-то изрядно потрудился, замазывая ею нашу находку. Вопрос только – зачем? – Передав обломок Ольге Павловне он развернулся к колонне, нижняя часть которой уже была практически очищена от каменной шубы. Рабочие, притащившие по такому случаю долота уже работали на стремянках спеша побыстрее, до наступления вечерних сумерек, снять как можно больше странного, неотличимого своей фактурой от камня, защитного слоя.

– Может это геоплимерный бетон? – Проследив за падением крупного куса облицовки, Маслов откинул ногой подкатившиеся к нему мелкие кусочки: – Вроде как законсервировали её.

– Геоплимерка – это миф, – недовольно скривился директор, весьма скептически относившийся в подобного рода теориям: – Вы, Игорь Игоревич, полёт своей фантазии малость того, укротите. Ещё скажите – мол ушельцы космические эту штуку оставили. Или – Атланты. Как по мне, – подойдя к колонне, Откусов, отстранив рабочего, поковырял пальцем, освобождённый от наслоений многогранный сегмент: – Так это ил. Самый банальный ил, или грязь. Закаменела за столетия, а сейчас видите, – он ткнул в край куба: – Отваливается. Ой! – Пospешно отдёрнул он руку от неожиданно повернувшегося под его нажатием блока: – Оно что – вращается?!

Принявшие массовый характер, следовавшие после этого открытия, исследования – все присутствовавшие в этот час во дворе сотрудники посчитали своим долгом проверить каменный многоугольник, вынудили техников прекратить работы – рушить вниз куски штукатурки, грозя попасть ими по макушке очередного исследователя, было ни как невозможно. Отогнать коллег так же было сложно – не помогали даже переросшие из просьб в приказы начальственные взрыки директора.

Столь массово проведённые практические эксперименты, принесли, тем не менее множество фактов, заставивших Игоря, оттёртого толпой в сторону, пересмотреть все свои гипотезы касательно устройства артефакта.

Кубооктаэдр, подчиняясь усилиям любопытных рук, свободно проворачивался, что в горизонтальной, что в вертикальной плоскостях, сопровождая своё вращение тихими щелчками, когда очередная грань застывала перед зрителями, позволяя всем присутствовавшим в полной мере насладиться сменяющимися друг друга древними символами.

Наигравшийся народ начал рассасываться – рабочий день близился к концу и сейчас наставало самое благоприятное время для обмена впечатлениями.

Спокойствие нарушил, сам того не желая, Игорь.

Наконец прорвавшейся к каменному боку он принялся торопливо переносить на бумагу бывшие перед ним символы. Пачка чистых листов, бывшая у него в руках, сильно затрудняла это занятие и он, отковыряв пропущенный рабочими кусок штукатурки между блоками, сунул листы в открывшуюся щель.

Листы выскочили назад.

Оглянувшись – легкий ветерок ласково гладил его лицо, он, мысленно кляня сквозняк, снова вложил пачку в темную щель, придавив её для надёжности куском штукатурки.

На сей раз назад выскочили и листы, и камень.

Озадачено хмыкнув и почесав на всякий случай лоб, Игорь вновь ввёл листы в темноту, на сей раз прижимая их к плоскости камня рукой.

Непонятная сила, будучи не в силах, или не желая преодолеть его усилия, просто смяла листы в гармошку, выходя победителем и из третьего раунда.

Ничего не поняв, Маслов подозвал дядю Ваню и взяв у того длинную и непонятно зачем прихваченную с собой линейку, сунул её прямо в темноту.

С секунду с линейкой не происходило ровным счетом ничего – зашедший с другой стороны Иван Семёнович одобрительно крякнул, увидав появившийся из черноты конец – но немедленно осёкся видя, как неведомая сила, словно спохватившись, принялась выталкивать наружу чужеродный объект.

Последовавшие исследования, Маслова, несмотря на все его протесты, мигом оттерли от артефакта, открыли ещё пару интересных моментов.

Во-первых, непонятная сила выталкивала наружу только неодушевленные, не живые объекты. Любопытствующий мог безо всяких последствий для себя засунуть между камнями хоть ладонь, хоть кулак и держать его там сколь угодно долго.

А во-вторых, в щели было темно. Совсем темно. Свет зажигалок, а после и принесённого Ольгой Павловной мощного фонаря, просто вяз в щели, никак не желая рассеивать тьму. Вы могли сунуть туда руку и сколь угодно гладить вырезанные в камне символы, но снаружи это выглядело так, словно конечность искателя приключений была погружена в непроницаемо черную воду, ничего не позволяя рассмотреть в своей глубине. При этом вы вполне могли развернуть кубооктаэдр, уцепившись пальцами за символы, вызволяя их наружу.

Шумно обсуждавшая увиденное толпа постепенно рассеялась – рабочий день уже закончился, а чудеса и загадки, сколь бы не был пленителен окружавший их ореол, при всем желании не могли пересилить желание увидеть близких, оставив после себя только двоих – Павла Викторовича и дядю Ваню, усевшихся для доверительной беседы прямо на каменную основу, приятно гревшую их старые задницы.

– Идеи есть? – Привалившись спиной к теплему камню колонны, вопросительно посмотрел на своего старого товарища директор.

– В Москву доложить надо, – пожал плечами старый техник, доставая из кармана пачку «Беломора»: – Будешь?

– Ааа... Черт с ним. Давай.

С минуту оба молча дымили, а потом, Иван Семенович, покинув теплое местечко подошёл к колонне и, с силой затянувшись, выпустил тугую струю в черное нутро щели.

- Выход подтверждаю, - повернувший голову назад Откусов проследил как дым, без последствий миновавший загадочное место, стал растворяться в вечернем воздухе.

- Значит, - вынув изо рта окурок Иван Семенович задумчиво покрутил его в пальцах: - Газы и живую материю пропускает. Хм... - Выщелкнутый его пальцами бычок выскочил назад стоило только ему коснуться темной пелены.

- И что? - Улегшийся вдоль основы директор перевёл взгляд на первые звезды, начавшие проявляться на уже почти ночном небе: - Делать то что будем, а, Вань?

- Знаешь, Паша, - отодвинув его ноги в сторону, уселся подле него техник - зная друг друга очень давно, они, оказываясь наедине, общались на равных: - Эта хреновина, я про черноту эту, лучшая защита от мусора. Крошки, пыль - всё сметает. Ну а если ты такой дурак, что руку туда засунул - так это только твоя проблема.

- Да не об этом я.

- Понимаю. А вариантов нет - надо в столицу звонить.

- И что я им скажу? У меня есть камни в воздухе? Висят и крутятся? Так меня же первого в дурку отправят.

- Про черноту, выталкивающую всё назад забыл, - поёрзал спиной, стараясь по максимуму прижаться к теплой плоскости Иван Семенович.

- Во-во. И про письма, и про щелчки при поворотах. Вот ты - как инженер, скажи...

- Да какой я инженер, - отмахнулся от его слов тот: - Так, ремесленник.

- Ну ремесленник, или нет - Бауманку ты же закончил?

- Ну было дело. Только...

- Вот и скажи - камни эти, они же, получается, в воздухе висят? Чернота та - и сверху, и снизу? Вот как инженер скажи - что это?

- Не знаю. И вообще - весь этот артефакт есть вещь темная, лженаучная и изучению не подлежащая, - он назидательно поднял палец, пародируя известное, в академических кругах, светило.

- А я серьёзно, - не принял его шутки Откусов: - Так что... Что мне докладывать? Вот такой бред?

- Ну и не докладывай.

- И не сообщить не могу, - вздохнул директор, подкладывая руки под голову: - Не сообщу я - так другие...

- Думаешь настучат? - Перебил его техник: - У нас же, вроде, радистов нет, - перешёл он машинально на старый сленг.

- Стукачей? Нет, конечно. А вот интернет этот чертов есть.

- И что?

- Ну - трепать начнут, фотки на фоне этого, - приподняв ногу он несколько раз стукнул каблуком по камню: - Видео снимут - как дырка всё выталкивает. На этом...ммм... Как это... Ну - трубе той выложат.

- На ю-тубе? Пффф... Да там знаешь сколько бреда ежедневно вываливают? И не заметит никто.

- Вот как раз кто надо - заметит.

– Ну, – развёл руками Иван Семенович: – Тогда докладывай. Или... Хм. Смотри, Паш. Мне, чтобы эту хрень очистить, надо два дня. Потом тут Маслов наш танцевать будет. Ему же всё это, – он похлопал ладонью по камню: – Зарядить надо.

– Думаешь получится? – С сомнением в голосе проговорил Павел Викторович: – Что-то я...

– Получится, – рубанул воздух технарь: – Я как черноту эту увидел, тепло идёт, опять же – понял сразу – получится. Как инженер говорю – это, – он погладил камень, на котором сидел: – Чтобы, или чем бы оно не было – исправно!

– Жаль.

– Понимаю. Но смотри. Пусть Игорёк её зарядит. Пусть портал свой открыть попытается. Откроет – мы туда камеру на палке сунем. Вытащим – посмотрим. И вот тогда и доложить наверх можно будет. Разницу улавливаешь? – Покачал он ладонями изображая весы: – Либо ты перепуганный непонятным артефактом директор провинциального НИИ, либо – учёный мирового масштаба, дерзнувший заглянуть в неведомое. А? Паш? Что выбираешь? – Снова покачал он ладонями.

– Вот умеешь ты убалтывать... Камеру-то, где возьмём? У нас нет.

– У внучки одолжу. – Небрежно махнул рукой Иван Семенович: – Включим у нас – пусть всё снимает. Туда сунем, покрутим там секунд десять, и назад. Ну а запись ты уже в РАН пошлешь. С комментариями – как ты тут героически и всё такое – это ты умеешь.

– Думаешь сработает?

– Уверен. Ладно. Пойду я домой, – потянулся старый технарь вставая и, кивнув на прощание Павлу Викторовичу двинулся прочь, бросив, напоследок, через плечо: – А камеру, если мою, внучкину, то есть, ну – если потеряем, или упрут там, ты мне новую купишь. Цифровую.

– Крохобор, – осуждающе покачал головой директор: – Ради науки... погоди! Как это – если упрут?! Там??? Кто???

– Мир не без добрых людей, – философски пожав плечами, старый товарищ растворился в ночной темноте.

Следующие два дня – очистка каменных блоков от наслоений шла точно по составленному Иваном Семёновичем плану. Директор не находил себе места, проводя большую часть времени у окна за наблюдениями. Техники, по его мнению, работали крайне медленно, но все попытки ускорить их работу на корню пресекались бдительным дядей Ваней, как из-под земли выроставшим перед директором, стоило только тому появиться у места проведения работ.

За оцепление, где Иван Семёнович раздобыл яркие конусы так и осталось тайной, допускался только Игорь и Василий – молодой техник, чьим хобби и подработкой была видеосъёмка различных мероприятий и торжеств.

Скептически кривясь – для фиксации происходящего ему вручили камеру внучки дяди Вани, не позволив притащить своё оборудование – Павел Викторович опасался преждевременных утечек, Василий тщательно снимал весь процесс, сдавая под роспись заполненные материалом кассеты.

Закончив с очисткой первой, левой, колонны рабочие перебрались на соседнюю, а Маслов, взгромоздясь на одолженную у них стремянку принялся торопливо перерисовывать символы первой.

– Как успехи, Игорь Игоревич? – Подошедший к нему директор с трудом сдержал улыбку, видя как дёрнулся от неожиданности глубоко погружившийся в свои мысли мэ-нэ-эс.

– Ааа... Павел Викторович? – Придерживая рукой едва не рассыпавшиеся листы со скопированными символами, вскочил на ноги тот: – Извините, задумался.

– И над чем?

– Очень странно, – почесав лоб карандашом, он протянул Откусову один из листков: – Смотрите. Символы, что были в книге, я нашёл. То есть выставить любую последовательность – что для зарядки нашего Портала, что для его активации – например в тот мир, куда направлялся караван на втором рисунке, я могу.

- Но?

- Но вторая колонна! Вот! - Он подсунил следующий лист, оказавшийся сильно увеличенной копией рисунка, на котором Игорь, для придания изображению дополнительно чёткости, обвёл все линии ручкой: - Видите? Вторая колонна, - он ткнул карандашом себе за спину, туда, где техники завершали очистку предпоследнего кубооктаэдра: - На ней нет символов!

- Как это нет - вот же они, - кивнул через его плечо на ясно различимые, на уже очищенных плоскостях, символы.

- Да. У нас они есть, а тут - пусто. - кончик карандаша крутанулся над рисунком: - Такое впечатление, что художник забыл их нарисовать.

- Или посчитал их ненужными. Хм... А пустых граней нет? На второй?

- Нет. Они полностью идентичны.

- Очень интересно. Может это намёк? Нам?

- Намёк?

- Ну... Мол не стоит туда лезть? Хотя - тогда бы он и на первой ничего бы не нарисовал, - принялся рассуждать вслух Павел Викторович.

- Ещё непонятно, что с этим сегментом делать, - показывая пачкой бумаг на нижний кубик: - На нём, да вы сами видите. Символов нет. Только дырочки.

- Хм... - Присев на корточки перед основанием колонны, Павел Викторович провёл рукой по тёплой поверхности камня, ощущая накатившее на него нетерпение - сомнений не было - нечто, заключённое внутри, рвалось, спешило, стремилось куда-то, торопясь что-то сделать.

«- Ну... Потерпи ещё немного, совсем немного», - неосознанно, не словами, а чувствами ответил Откусов, в следующую минуту уже укорявший себя за допущенную слабость.

Гладившие ровную поверхность пальцы внезапно ощутили под собой пустоту, отчего Павел Викторович, с которого одним рывком слетело нахлынувшее было умиротворение – то, что было внутри поняло его и, свернувшись калачиком как большой кот, принялось тихонько мурлыкать, терпеливо ожидая исполнения обещанного, невольно вздрогнул от резкого контраста.

– Ага, видите? – Присевший рядом Игорь кивнул на дырку посреди плоскости. Выше отверстия, неглубокого – указательный палец директора погрузился в него чуть больше, чем на полторы фаланги, были вытеснены ещё две точки, только они, в отличие от той, где всё ещё торчал его палец, были совсем мелкими, не более трёх миллиметров, как определил начальственный глаз.

– Если повернуть, – Игорь толкнул блок и Павел Викторович поспешно убрал палец: – То на остальных тоже самое. Почти – меняется только количество точек.

Действительно – пришедшая на смену прежней грань, несла на себе, кроме центрального отверстия целых четыре точки. Следующая – шесть и последняя – одну. Те же грани, что были сверху и снизу имели по три и пять выемок, расположившихся ровным строем над одинаковой на всех плоскостях, центральной дыркой.

– А на рисунке что? – Удержавшись от желания ещё раз прикоснуться к камню – сущность Портала, терпеливо ждала, одновременно как бы поскуливая, выпрашивая новых поглаживаний: – Ты сравнивал?

– Где зарядка – одна, – повернул он камень, нужной гранью: – А там, где караван и пленники – пять, шесть.

– Знаешь, что мне это напоминает? – Неожиданная догадка, проскочившая в его голове и, в тот же миг, тёплая волна одобрения, пришедшая от колонны, придали ему уверенности: – Это таймер.

– Что?!

– Ты же сам говоришь – караван, пленники. А им, чтобы пройти туда, – он махнул рукой меж колонн: – Нужно время. Вот его и выставляют. Чтобы энергию зря не жечь, – рассуждая таким образом Откусов, как-то совершенно незаметно для себя, подошёл к артефакту и, словно им управлял кто-то другой, вновь коснулся

каменных граней, не имея сил противостоять идущему изнутри зову.

– Павел Викторович. С вами всё в порядке? – Озабоченное лицо Маслова нарушило царившую в его душе гармонию.

– Не знаю, Игорёк. Не знаю, – с трудом оторвавшись от колонны, он поспешно отошёл в сторону, наклонившись вперёд, словно двигался против сильного ветра – зов артефакта усиливался с каждой минутой.

– Зовёт он меня, – вполголоса признался Маслову директор, когда его и камни стало разделять не менее полутора десятков метров: – Тянет к себе. А ты – ты ничего не чувствуешь?

– Нет. – Покачал головой тот, переводя озадаченный взгляд со своего начальника на артефакт: – Тёплый он – да. Но более ничего. Павел Викторович?

– Да? – дёрнул головой Откусов, старательно изучая фасад НИИ, смотреть в сторону каменных столбов он опасался.

– Вы... Вам, наверное, лучше подальше от... Ну, Вы понимаете?

– Понимаю, – вздохнув и ссутулясь он двинулся в сторону дверей института, постарчески загребая ногами песок дорожки. Проводив его сочувствующим взглядом – перед дверью Павел Викторович дёрнулся было назад, но пересилив Зов юркнул в приоткрытую дверь, Маслов, покачав головой – эта чертовщина ему решительно не нравилась, взошел на ступеньки платформы, вернувшись к так неожиданно прерванному занятию – раскладыванию пасьянса из символов – вторая колонна была уже почти освобождена, обещая скорое начало зарядки сооружения.

Несмотря на то, что рабочие удалились от артефакта ещё засветло, процедуру зарядки, к своему удивлению ставший старшим на площадке Игорь, решил провести на следующий день. Опасаясь очередного фиаско, он решил взять небольшую паузу, чтобы ещё раз, уединившись в своей камерке, проверить порядок размещения символов – так он официально объявил недовольно загудевшим сотрудникам, собравшимся во дворе и предвкушавшим новое шоу.

Игорь, появившийся во дворе, ровно в девять, вызвал некоторое замешательство среди собравшихся своим видом – на нём, несомненно ради торжественного случая, была белая рубашка и чёрные брюки со стрелками, спорившими своей остротой с лезвием опасной бритвы.

Дождавшись появления Павла Викторовича, тот, несмотря на то, что прошло всего пол дня, выглядел совершеннейшей развалюхой, Маслов, подняв руку, призывая к тишине, откашлялся: – Эээ... Товарищи! То есть, – сбился он, поняв, что употребил старое приветствие: – Дамы и господа! Сейчас, стоя на пороге величайшего открытия, – для придания своим словам дополнительного веса, он постучал ногой по платформе: – Мы зарядим этот Портал, через посредство которого Земля сделает первый шаг к далёким мирам, по которым ещё не ступала нога человечества! – Не удержаться чтобы не вставить в свою речь броскую фразу из известного сериала, чьим поклонником он являлся, Игорь не смог: – Сейчас мы...

– Кончай трёп! Заряжай давай!

– Ага! Делом займись!

Раздавшиеся из толпы выкрики заставили оратора покраснеть, и он молча кивнул рабочим со стремянкой, ожидавшим условленного сигнала в стороне.

– Ставлю первый блок! – Забравшись вверх, стоявшие внизу рабочие крепко удерживали лестницу, Игорь провернул верхний камень, выводя вперёд нужный символ.

– Второй! – Его так и подмывало сказать – «второй шеврон зафиксирован» – это были слова уже из другого сериала, но Маслов сдержался. Коллектив НИИ, следуя правилам своего директора не проявлял особого интереса к подобной беллетристике.

– Третий!

– Четвёртый!

Спускаясь вниз он легко проворачивал кубооктаэдры, приближаясь к последнему – шестому кубику, ниже которого был только блок-таймер, не нёсший на своих боках, как было уже сказано выше, никаких следов древней письменности.

– Приготовиться! – Положив руки на тёплые бока последнего, шестого камня, Маслов, дождавшись, когда рабочие, подхватив стремянку, отбегут в сторону, провернул последнее звено, скорее ощущая, чем слыша тихие щелчки внутри столба.

Убедившись, что на обращённой к зрителям стороне оказался верный набор палочек, но, пригнувшись, словно находился под обстрелом, отскочил в сторону, где и замер, напряжённо разглядывая чистое небо.

Тишина.

Минута, другая – в толпе уже начал зарождаться неприятный для виновника торжества шум, когда артефакт, издав протяжный и, как потом все дружно согласились, неприятно тоскливый вскрик, сбросил, только что набранную комбинацию.

Именно сбросил – составлявшие колонну кубооктаэдры одновременно вздрогнули, крутанулись вокруг своих осей и замерли, повернувшись к зрителям не квадратами плоскостей, а треугольными срезами, блеснувшими в лучах утреннего солнца безупречной полировкой.

Темнота, до того укромно гнездившаяся в щелях между кубами, ожила, воспрянула и двинулась на свет, густо покрывая собой всё пространство стыков.

– Это как? Почему?! – Подскочивший к колонне Игорь попытался развернуть третий снизу блок, но тот, прежде поворачивавшийся от лёгкого касания одним пальцем, сейчас был недвижим, словно он сросся со своими соседями.

– Не понимаю... – Попытки повернуть другие камни привели к тому же результату – весь столб словно закаменел, категорически отказываясь подчиняться человеку.

– Как это? – Обведя притихших людей растерянным взглядом, Маслов с силой рванул ворот рубашки, разбрасывая в стороны оторванные пуговицы и бессильно опустился на платформу, спрятав лицо в ладонях.

Сидя так он не видел, что Павел Викторович, двигаясь как лунатик – люди поспешно расступались перед ним, опасливо косясь на разительно переменившегося директора, проковыляв к колонне и, достигнув её, привалился к каменным блокам, обнимая их, как истосковавшийся по Родине человек обнимает родную берёзку.

Несколько секунд ничего не происходило, но затем, по всей каменной громаде пробежала короткая дрожь, кубы, замершие в среднем положении, дёрнулись, высвобождаясь из удерживавшего их тёмного плена – тьма весьма неохотно сдавала свои позиции, и легко крутанувшись приняли то положение, которое, всего несколько минут назад, выставлял Игорь.

– Пошла зарядка! – Помолодевший, полный сил Павел Викторович – на вид ему, разменявшему шестой десяток нельзя было дать более тридцати, весело оскалился, задирая лицо вверх.

Там, в чистом, без единого облачка, небе, распухал в размерах клубок молний, выбрасывая в стороны, не достававшие до земли ослепительно белые щупальца.

– Сюда иди, сюда! – замахал руками уже не Павел Викторович, но просто Павел, словно желая привлечь их внимания и те, никогда ещё не бывшие покорными человеку, услышали его зов.

Облако, выбросив свитые из разрядов руки, вцепилось разлохмаченными, оглушительно трещащими концами в верхушки столбов, оплетая верхние блоки яркой сетью.

Медленно, неохотно пробуждаясь от долгого забытья, принялись наливаться светом символы древнего алфавита – зарядка Портала началась.

– Павел Викторович, что с Вами? – Кубарем скатившийся со ступенек Маслов, продолжая опасливо поглядывать вверх – шутка ли, толстые, напоенные энергией рукава, с треском раскалывали воздух всего в паре метров над головой: – Вы...

– Со мной всё отлично! Эх! Игоряша! – Подпрыгнув вверх от переполнявших его чувств, Откусов с силой хлопнул по боку блока, угодив растопыренной пятернёй точно по сползавшему вниз бело-синему электрическому ручейку.

Взрыва, как того ожидал Игорь, мысленно ахнувший от увиденного, не произошло – поток энергии просто обтёк возникшее препятствие стремясь заключить в тонкую и яркую сетку очередной кубоид, на чьих гранях уже нетерпеливо пульсировали палочки клинописи.

– Ты не представляешь – КАК я себя хорошо чувствую! А ну – ша! – Сделав шаг вперёд он раскинул в сторону руки, преграждая путь к артефакту взволнованно качнувшейся толпе. Ещё бы! Волшебное преобразование директора не могло оставить равнодушным даже самых, относительно молодых сотрудников, не говоря уже о большинстве, прочно обосновавшемся в предпенсионном возрасте.

– Куда прёте! – между его рук проскочила, оглушительно треснув, молния: – Я им выбран! – Кивнул Павел Викторович себе за спину: – Хранителем, Привратником, Ключником – называйте как хотите! Я! Им! Выбран! Слышите?! И не завидуйте, – отойдя назад он уселся прямо на начавшую покрываться сетью разрядов, платформу: – Это и благословение, и проклятие Древних.

– Кого? – Осторожно приблизившейся к нему Игорь замер в паре метров перед артефактом: – Простите, Павел Вик...

– Павел! Теперь я – Павел! – Рокотнул он неожиданно басовитым, Маслову даже показалось, что он услышал раскаты грома, голосе: – Или Пашка! Ха-ха! А Древние – это те, кто и наделали их! – Хлопнул Павел по камню, расплёскивая в сторону словно воду бежавшие повсюду ручейки: – Понастроили, пАнимаешь! – Вновь рассмеялся он: – Таких Порталов тысячи, десятки тысяч! И у каждого – свой ключник.

– Как Вы?

– Как я, – согласно кивнул Павел: – Мы почти бессмертны. Практически неуничтожимы – это благословение. А проклятье... – вздохнув, Ключник зачерпнул полную ладонь энергии и долгие секунды наблюдал как крохотные молнии тонкой струйкой текли вниз, когда он наклонил ладонь над платформой.

– Я не могу отойти от Портала. Это ты, – стряхнув остатки энергий с ладони он обтёр её об одежду и ткнул пальцем в Игоря: – Ты будешь проходить сквозь Портал. Ты, или вы, – его рука обвела сбившихся в кучу людей: – Вы увидите другие миры. Вы! Не я! Иван! Подь сюда, – поманил он к себе старого друга: – Слушай меня. Завтра же – слышишь? Начинай строить там, – он ткнул себе за спину большим пальцем: – Дом. Пару комнат, не более.

– Ааа... Павел Викторович? Утверждать смету кто будет?

– Я. Кто ж ещё? С директора меня ещё никто не снимал. Оля? Ты тут?

– Да, Павел... Паша. Я здесь, – отделившись от толпы, подошла к Ключнику секретарь: – Вот что. Подготовь пакет в РАН, значит, письменное описание и кассеты с записью. Эй, оператор? Эмм... Виталий? Ты всё заснял?

– Василий я, – опасливо поправил его не расстававшейся с камерой, оператор: – Да, Павел Викторович. Всё. Заснял всё. – Опустил он камеру вниз.

– Отлично! Оля, проследите, чтобы с ним рассчитались и пусть премию дадут – тридцать процентов к оговоренной сумме, – омолодившись, Павел Викторович стал гораздо щедрее: – Так... – возбуждённо хлопнув в ладоши, он вскочил на ноги и прошёлся по площадке взад-вперёд: – Чёрт! Бодрость-то какая, работать хочется, порталы строить... А куда?

– Павел, – переминавшийся с ноги на ногу Игорь нерешительно посмотрел на Ключника: – Так откройте. А я сбегаю, гляну что там. А, Паш?

– Да не могу я! – С досадой хлопнул кулаком по раскрытой ладони он: – Адресов нет!

– Как нет?

– А вот так. Память Портала пуста. Надо с нуля заполнять.

– Чем? Как?

– Смотри, – усевшись обратно Ключник приглашающе похлопал ладонью по камню подле себя, но Маслов, лишь отрицательно покачал головой, стараясь не смотреть на ярких змеек, то тут, то там высывавших свои головы наружу.

– Адреса можно получить двумя способами. Первое – ввести, – он показал на левую колонну: – И второе – узнать от прибывающих сюда, – махнул он рукой на вторую, правую: – На ней высветятся символы точки отправления. И я их запомню. Понимаешь? Чем больше мы будем ходить и чем больше у нас будет гостей – тем полнее станет база адресов. А чем полнее база – тем сильнее портал и, – улыбнувшись он ткнул себя большим пальцем в грудь: – Ваш покорный слуга. И ещё, – поднял вверх указательный палец Павел, заостря внимание Игоря на своих словах: – Будет много сил – смогу, не открывая портал заглядывать на ту сторону. Без выставления комбинации – ну, как в замочную скважину. Но для такого много адресов надо. Тысячи. Вот так-то... А у нас, – Ключник вздохнул: – И одного нет.

– Почему нет? Есть! Даже два есть! Вот же, – протянул ему Маслов пару листков – с караваном и пленниками: – Вот же, Паша! Смотри, я рядом выписал символы, вот и вот, – ткнул он пальцами в столбик из квадратиков, в каждом из которых была своя комбинация чёрточек: – Это же адреса? Верно?

– Адреса... – Задумчиво погладил квадратики ладонью тот: – Это ты убери, – вернул он Игорю рисунок с пленниками: – Адрес я запомнил, но... – Он поморщился: – Что-то нехорошее там. Холодом веет. А вот это, – пробарабанил он по каравану: – Пойдёт. Вот как увидел адрес – сразу вспомнил, странно, да? – Посмотрел он на Маслова: – Это адрес торговой планеты. Мирная зона в галактике. Таких три. Хм... И откуда я это знаю? Хм... Ну что – пойдёшь?

– А Вы, Павел Вик... Паша, уже можете открыть проход?

– Ну... – Ключник прислушался к своим ощущениям: – На один раз энергии хватит. Так что – идёшь?

– Иду. – Пригладив растрепанные волосы, решительно кивнул Маслов: – Давайте Портал, Ключник!

Глава 3

– Портал открыть – дело нехитрое. – Сойдя с платформы, Павел несколько раз глубоко вдохнул, а затем, разведя руки в стороны, принялся медленно сближать ладони, меж которых заплясали тонкие линии разрядов. Когда расстояние сократилось до полуметра, а нити сплелись в подобие каната, Ключник резко сжал ладони, так что молнии образовали петлю и бросил её на колонну. Бублик, рассыпая в полёте искры, медленно, словно был мыльным пузырьём, долетел до колонны и зависнув секунд на пять над её вершиной словно нимб над макушкой святого, принялся опускаться вниз постепенно истончаясь. Достигнув последнего камня и издав едва слышный, на фоне продолжавшегося треска молний, «чпок», он впитался в камень, оставив после себя медленно тающее светлое пятно.

– Ого, – отслеживавший его полёт Маслов, уважительно покачал головой и перевёл взгляд на бывшего директора: – Сильно. Это Вы вот так Портал ставите?

– Да нет, – усмехнувшись, Паша двинулся к колонне: – Это я избыток энергии сбросил. Зрелищно, да?

– Ага.

– Хе-хе. Сам Портал-то открыть – как два пальца... – Не договорив, он приложил ладонь к каменному боку и кубоиды, бывшие до того неподвижными, сдвинулись с места спеша занять нужные положения.

– Всё. – Как-то по-будничному, без всякого пафоса, кивнул Ключник на столб: – Проверь. Всё верно выставил?

– Да вроде, да, – сверяясь с бумажкой, Игорь задрал голову: – Эээ... Первый – да, второй – да, третий – тоже да... – Закончив проверку он повернулся к Откусову: – Всё верно.

– Раз верно, то... – убрав руку Ключник прищёлкнул пальцами: – Вуаля! Прошу!

Проём меж колоннами, чьё пространство до того, лишь изредка нарушалось редкими молниями, принялось быстро заполняться росчерками зарядов, сноровисто, словно невидимая швея принялась играть челноком, торопясь сплести тончайшее кружево. Надо сказать – работа давалась ей легко – не прошло и десятка секунд, как перед Масловым затрепетало, то надуваясь, то опадая, здоровенное, бело голубое полотно, с чьей поверхности, время от времени, срывались бледные искорки разрядов.

– И мне это... Вот туда, идти? – Покосился парень на Ключника: – А не...

– Не... – Сложивший руки на груди Павел, с гордостью смотрел на своё творение: – Не бойся. Не шарахнет.

– А Вы уверены?! – Игорь вздрогнул, когда выросшая из колышущегося полотно молния с треском лопнула, самую малость не дотянувшись до его лица.

– Иди уже, – подтолкнул его тот: – Время тикает, – кивнул он на нижний левый камень, медленно проворачивавшейся вокруг оси: – Или тебе помочь? Хорошим пинком?

– Не надо.

– Тогда сам. Давай, – подошедший Ключник мягко подтолкнул побледневшего паренька к трепещущему проёму: – Выдохни и шаг вперёд.

– А... А лететь мне долго – не задохнусь? – Повернулся было к нему Игорь, но сильный толчок в спину бросил его прямо в переплетение молний, радостно встретившее жертву целым венцом разрядов.

Высказать своё возмущение Маслов не успел – короткие разряды, на миг ошпарив его тело, словно он нырял в куст крапивы, исчезли. По глазам резануло короткой белой вспышкой, он зажмурился, а миг спустя по его лицу, тёплой влажной рукой, мазнул лёгкий ветерок, принесший с собой густой пряный

аромат и запах жаренного на костре мяса.

– Варим! Докхур де криг! Сасшум! – Мужской голос, судя по интонациям, обращался именно к нему. Выждав, наверное, для приличия, пару секунд, голос послышался вновь, но теперь, вдобавок, его обладатель, нетерпеливо постучал чем-то по его плечу: – Варим! Криг, криг!

Нерешительно приоткрыв один глаз, открывать оба было страшно, Игорь разглядел напротив себя широко улыбавшегося мужчину с явной сильной примесью южной крови. Увидев, что гость пришёл в себя, смуглолицый, из одежды на нём была распахнутая кожаная жилетка, под которой переливались мускулы атлетического торса и короткие, чуть выше колена, кожаные шорты, широко улыбнулся – такой улыбке обзавидовались бы все кинозвёзды, и повторил, настойчиво потянув его за рукав: – Криг, кеш. Криг, криг!

– Эээ... Здрасьте, – выдавил из себя Маслов, подчиняясь давлению и, открыв второй глаз, послушно двинулся за поводырём.

– Варим! Сасшум! – Похлопал его по плечу смуглый и приподняв руку добавил: – Гек ц!

Видя, что его не понимают, он досадливо покачал головой и растопырив перед лицом путешественника пятерню, повторил: Ц!

– Цэ? – Покосился на растопыренные пальцы тот: – Цэ?

– Ц! – сжав и разжав кулак цыкнул тот: – Ц! Гек ц!

– Ну... Гек, так гек, – пожав плечами, принялся крутить головой Игорь: – Хоть гек, хоть не гек.

– Гек, гек, – закивал смуглый и отбежал в сторону. Проследив за ним Маслов едва не присвистнул – института не было. Портал, полностью заплетённый молниями, стоял на небольшом холмике, а встретивший его мужчина, уже приветственно задирает руку, встречая группу людей в длинных и по-восточному ярких одеждах, выходявших из трепетавшего полотнища. Обменявшись с ними парой фраз – гости степенно поклонились, прижав руки к груди, смуглый

развернулся к Игорю и ободряюще тряхнув пятернёй, двинулся назад.

– Гек ц! – Весело улыбнулся он, подойдя к Маслову: – Куюк те? Дахрур за кац?

– Эээ... Каюк, – развёл руками тот и, постучав кулаком в грудь попытался вывести их общение на новый уровень: – Игорь. Земля, – ткнул он кулаком в сторону Портала: – Игорь с Земли. Понимаете? С Земли я. Земля – это третья планета. В тентуре, – зачем-то ляпнул он всплывшую в памяти фразу из широко известного фильма: – Игорь. Земля.

– Ых-гор? – Переспросил смуглый и положив руку ему на плечо, обернулся в сторону стоявшего неподалёку цветастого шатра кого-то позвал: – Вим! Вим! Криг васпат! Дзекко ц! Криг дзекко! – После чего, одарив Маслова улыбкой, весело добавил теперь обращаясь непосредственно к нему: – Ых-гор! Криг ц – васпат.

Выскочивший из шатра мальчик, как догадался Игорь это его звали Вимом, молча сунул смуглому небольшую шкатулку, после чего отойдя в сторонку, принялся разглядывать гостя, словно тот был странным диким зверем.

– Васпат, васпат, всапат, – меж тем промурлыкал себе под нос смуглый, извлекая из шкатулки вытянутый бликующий хромированной отделкой параллелепипед, из одного торца которого торчала короткая, желтого метала, игла: – Ых-гор, васпат кох беруш де. Криг – ц, – Он растопырил три пальца: – Ц-ц-ц! Васпат дох! Кушам. – Похлопал себя смуглый по загривку: – Ишез наям. Криг.

– Чего? Эээ... Чего криг?

Не обращая внимания на непонимание смуглый сунул шкатулку мальчику и зайдя Игорю за спину, потянул за воротник, открывая шею. Ещё через миг Маслов ощутил короткий укол, и земля, под его ногами, дёрнувшись поплыла в сторону заваливая горизонт.

– Ц-ц-ц! Васпат криг. Дох. – услышал он как сквозь вату, ощущая сильные руки, удерживавшие его подмышками. Сознание на миг отключилось, гася зрение, а когда вернулось, то он обнаружил себя сидящем на земле – смуглый, по-восточному покачиваясь на пятках, был напротив, внимательно следя за ним.

- Ну как? Очнулся? - Вытянув руку он пощёлкал пальцами перед его носом: - Если голова кружится, то ты посиди малость. Васпат сейчас осваивается в тебе. Эй? Ты меня слышишь? Понимаешь?

- Кружится. Эй! Я вас понимаю!

- А то! - Смуглый весело подмигнул ему и рассмеялся, видя округлившиеся глаза Маслова: - Это васпат. Дар Древних, - последнее слово он произнёс с явным уважением: - Ладно. Ты меня извини - времени нет. Ярмарка второго цикла начинается, - он виновато развёл руками, одним движением вставая во весь рост: - Гостей много. Я с тобой Вима оставлю. Он тебе тут освоиться поможет. Ну а как домой соберёшься, или ещё куда, - последовало недвусмысленное подмигивание: - То подходи - отправлю. Бывай. - Кивнув на прощание, смуглый двинулся к холмику с Порталом, насвистывая себе под нос замысловатую мелодию.

- Ты как, Иг-гор? - Присевший рядом на корточки мальчишка, заглянул ему в глаза: - Очнулся?

- Вроде да, - встав на ноги Маслов осмотрелся - они находились на дне неглубокой земляной чаши, по краю которой тянулся небольшой, поросший бледно зелёной травой, вал. В пяти местах его пересекали расходившиеся звездой от Портала цветные дорожки красного, синего, зелёного, чёрного и желтого цветов.

- Только я - Игорь. Не Иг-гор, а Игорь.

- А я - Вим, Иг-гор. Иггор. Сложно выговорить. Можно я тебя буду по-простому звать? Игом? Да?

- Да зови, как тебе удобнее.

- Спасибо, - мальчишка расцвёл в улыбке: - Некоторые не соглашаются - мол родовое имя, сократить - оскорбить и всё такое. С чего начнём, Иг?

- А с чего можно? Или - лучше с чего?

– Смотри что тебе интересно, – махнул Вим в сторону ближайшей дорожки: – Синяя – сектор технологий, учёные там разные, артефакты, книги, свитки и всё такое. Зелёный – всё для здоровья и тела. Чёрный – военное дело. Оружие, броня. Красная дорожка – к политикам. Союзы заключать, войны объявлять. Там и переговорщики и стряпчие обитают. Желтая дорожка – удовольствия. Но мне туда нельзя. Кшеш, – он мотнул головой в сторону раскланявшегося с очередной группой смуглого: – Не разрешает. Говорит мелкий я ещё. Подумаешь, – мальчик гордо сплюнул на траву: – Будто я там не был. Так куда пойдём?

– А Кшеш – он кто?

– Как кто? Привратник. Не знаю как у вас называется – за Порталом он следит. Дух Портала. Страж Портала. Возлюбленный Дара Древних.

– Ключник?

– Можно и так. Так куда пойдём? Тебе – как прибывшему сюда первым со своей планеты, положены сто монет. Пошли к дому, – показал Вим на шатёр: – Выдам.

– Ого. Сто монет? А с меня что?

– Да ничего, – пожал в ответ плечами его спутник и принялся пояснять, пока они шли к жилищу местного Ключника: – Это традиция. До тебя тут с твоей планеты никого не было – значит тебе положено. Чтобы с голоду не помер. Ну и на сувениры.

– Так я же не первый.

– Не первый? – Вим остановился и окинул Игоря внимательным взглядом: – Не. Первый. Кшеш не ошибается.

– Не первый, – упрямо покачал головой, не соглашаясь с ним Маслов: – Лет двести пятьдесят, может триста – но тут с Земли бывали. Караваны водили.

– Двести пятьдесят? Тю... Это когда было! Забудь. Теперь ты первый. Ща, погоди.

Скрывшись за пологом, преграждавшим вход внутрь, он вернулся очень быстро – Игорь не успел даже рассмотреть затейливый орнамент, шедший по матерчатой стене.

– Держи, – в руке Вима глухо звякнул наполненный металлом мешочек: – Ровно сто. Можешь не проверять.

Короткий взблеск в глазах пацана заставил Маслова усомниться в правдивости его слов, но решив, что доверие паренька стоит нескольких монет, он сунул оказавшийся увесистым мешочек, себе в карман.

– Куда двинем? – С явным облегчением поинтересовался тот: – Может ты есть хочешь? В зелёном секторе отличная еда. За пару монет нас от пуза накормят. А если выбрать зелено желтую, то и на шоу можно поглазеть. В три монеты уложимся.

– Ну давай перекусим, – не стал спорить с ним Маслов, благо в его животе уже ощущалась неприятная возня, грозившая совсем скоро начать издавать звуки, хорошо слышные всем вокруг – готовясь к зарядке портала он так и не смог позавтракать.

– А потом давай к учёным. Это вроде как – синий сектор?

Шашлык был великолепен.

Идеально прожаренные кусочки мяса с тонкой полоской жирка просто таяли во рту, и Игорь сам не заметил, как мигом очистил все три керамические палочки-шампуры, на которых здесь подавали этот шедевр кулинарии. Подчистив кусочком лепёшки тарелку – оставлять на её поверхности хоть каплю соуса было настоящим преступлением, он откинулся на спинку мягко пружинящего в такт каждому его движению плетёного стула и принялся мелкими глотками смаковать напиток, одновременно расслабленно плывя по волнам навевавшей приятную дремоту простенькой мелодии, которую наигрывал на незнакомом инструменте сидевший в углу старик.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/rudakov_aleksey/dal-nie-tropy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)